

Л.В. ЩЕГЛОВА
(Волгоград)

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ

Вскрывается универсальность предмета «Культурология», его многосторонность, способность открываться разными гранями. Эксплицируется связь культурологии с другими дисциплинами в процессе образования, а также ее практическое значение для различных сторон социальной жизни.

Ключевые слова: культурология, философия культуры, образование, эвристический потенциал, гуманистические идеалы, культурная парадигма.

Современное гуманитарное знание должно обладать не только фундаментальностью, но и практичностью. Однако слишком часто эта практичность понимается узкоинструментально, и тогда высказываются сомнения в необходимости, пользе для человека и общества философии, культурологии, этики и других дисциплин общекультурной направленности. Для того чтобы отрицать ценность этих областей знания и духа, их компрометируют, подвергают дурной редукции, утверждая, например, что философия «учит мыслить», а этика «правильно себя вести», при этом имеет место стремление вытеснить их за пределы университетского образования в сферу культурного просвещения посредством СМИ и Интернета. Мы понимаем истоки и причины этой тенденции, но считаем ее чрезвычайно опасной для общества.

Человечество сможет справиться с любым вызовом времени, если сумеет передать следующему поколению культурные, духовные ценности, накопленные его предшественниками. И трансляция этого культурного опыта должна осуществляться именно в рамках высшего образования, по-прежнему от личности к личности, а не простым подключением человека к компьютеру.

Сверхзадачей и конечной целью введения интегративной дисциплины «Культурология»

в российских университетах в начале 1990-х гг. представлялось углубленное понимание обучающимися характера современного состояния культуры как результата предшествующего развития и совокупности сложных и многочисленных связей между ее элементами. Основная ценность, которая подспудно обусловила эту цель, или миссия предмета, состояла в формировании компетентной, широко эрудированной и самореализующейся личности, способной к гибкому реагированию на изменения социокультурного окружения. Жесткая идеология должна была смениться полипарадигмальным, плюралистичным и принципиально открытым культурным горизонтом в качестве дополнения к основной функции высшего образования – подготовке кадров высшей квалификации.

Культурология была призвана отвечать на смысложизненные вопросы, т.е. не просто снабжать знаниями, а формировать способность действовать в соответствии с более широким пониманием постоянно изменяющейся ситуации, а не с функциональной или экономической необходимостью. При этом высшая школа ни со стороны общества, ни со стороны государства внятного заказа не получила. Предполагалось, что культурология даже в качестве курса по выбору будет способствовать формированию нравственной и эстетически развитой личности и одновременно конкурентоспособного человека. Такая программа, рассчитанная на всех, сразу пришла в противоречие с реальной практикой учебного процесса. Исчезла системность в построении учебного плана, сократились часы, и, как следствие, курс превратился в совокупность блоков информации (под тесты), перестав тем самым быть полезным для самопознания как личности, так и общества. А между тем именно целенаправленное духовное самопознание, осуществляемое силами гуманитарной элиты, оказывается единственным способом преумножения символических систем данной культуры.

Поскольку в большинстве развитых стран существовала традиция объединения науки и образования в университетах, то высшее университетское образование предполагало ориентацию прежде всего на интеллектуалов. Од-

нако технологизация всех сфер жизни, объединившись с процессом демократизации социальной практики, привела в сфере образования к переориентации на подготовку не интеллектуала, а прежде всего специалиста и гражданина. Сегодняшняя ориентация на компетентностный подход предполагает (по крайней мере в идеале) возрождение уровня фундаментальной подготовки, несущего интеллектуальную и этическую нагрузку [11, с. 307–308].

В этой связи изменяется характер вопросов, на которые должно отвечать современное культурологическое знание. Оно призвано способствовать пониманию студентами самих себя в контексте определенного культурного сообщества, своих возможностей в социальных процессах современной «ситуации транзитивности». Другими словами, культурология призвана показать, от чего и к чему переходит человечество.

«Что происходит с человеком, когда письменная культура заменяется экранной? Что с ним делают реклама, телевидение и массовая культура? Почему и как общество переживает кризис традиционных культурных институтов, таких как пол, семья, школа, нация и т.п.? Почему сегодня в эпоху отмечаемой всеми стабильности, по данным социологов, чувство страха, апатии, политического нигилизма у современного человека возрастает? Что происходит с искусством, границы которого сегодня трудно определить? С религией – что значит подлинное религиозное чувство? С моралью...? Где, как не на культурологии, современный студент, получающий образование в вузе, может обсуждать эти проблемы? Кто, как не культурологи, должен показать, дать почувствовать студенту это – культурологическое – измерение мысли о самом себе и о происходящем вокруг?»

Таким образом, представляется необходимой существенная корректировка целей культурологии как вузовской общеобразовательной дисциплины, переориентация ее из дисциплины сугубо теоретической в предмет, помогающий студенту справиться со сверхсложной задачей – духовной адаптации в современном обществе» [2, с. 309].

Мы согласны с этой точкой зрения в части вопросов, на которые должна дать ответ современная культурология, тем более, что они достаточно часто звучат и в студенческой аудитории, при этом в проективной направленности: молодые люди хотят знать, что ждет нас в будущем. Однако всплеск культурологической футурологии в 1980–1990-е гг. в настоящее время сменился упадком, и прогностическая

функция культурологии переместилась, главным образом, в ведомство социологии. Как известно, и в современной социологии высказываются весьма осторожные суждения относительно возможного будущего состояния человечества. Для того чтобы ответить на вызовы современности, необходимо предпонимание, т. е. некое «забегание вперед», ибо, как верно замечено, «анатомия человека есть ключ к анатомии обезьяны». Пока же большинство актуальных исследований констатируют лишь «конец знакомого мира».

Достаточно дискуссионным является и вопрос о том, может ли культурология из чисто теоретической дисциплины стать практической. Эта проблема касается социальных функций всех гуманитарных наук, но относительно интегративных, обобщающих дисциплин (таких, как философия и культурология) она особенно актуальна в современном российском обществе. Наше общество имплицитно ожидает от экономики, политологии, социологии квазиинженерных решений и, хотя не получает их, все же уверено, что данные науки близки практическому разуму и отвечают задачам практики.

Что же касается философии, культурологии, этики, то они в большей мере рефлексивны, вторгаются непосредственно во внутренний мир человека и дают многовариантные ответы относительно проблем, изучаемых ими сфер. Наконец, в этих науках очень сильна критическая функция. Еще Г. Гегель называл философию критической совестью культуры. Поскольку это знание неизбежно содержит оценку и состояния общества, и качеств человека в нем, оно третируется сциентистскими кругами как ненаучное. Да и сами философы и культурологи зачастую склонны признавать ненаучность своих дисциплин, правда, делают они это для того, чтобы объяснить, что вся культурная жизнь человечества несводима к одной науке, что весьма ценно как раз отличие духовных сфер друг от друга и что образование с необходимостью должно транслировать совокупный опыт. Более того, миссия означенных дисциплин состоит как раз в том, чтобы интегрировать в единую картину мира те фрагменты реальности, которые разошлись по «ведомствам» различных наук – тех, которые называют позитивными, потому что они дают однозначный ответ на правильно заданный в их семантическом поле вопрос и уже в силу этого имеют ограниченное значение для внутреннего мира человека. Именно поэтому и преподавать культурологию следует не на младших, а на старших курсах: «Культурология долж-

на быть итогом, обобщением (и интерпретацией на более высоком уровне!) уже изученных гуманитарных дисциплин. Она призвана опираться, в идеале, на весь корпус специального знания. Ведь культура – это действительно все богатство человеческого в человеке, все многообразие его присутствия в реальности, весь “космоантропный мир”. И преподавание культурологии по-настоящему результативно, только если оно опирается на сведения, понятия, образы, логические схемы, усвоенные студентами на предыдущих этапах обучения. В противном случае оно лишается почвы, “провисает в пустоте”, теряет основу и не может полноценно развернуть свою эвристическую составляющую» [10, с. 114].

Уже сегодня культурология фактически стала основанием для междисциплинарного синтеза наук об обществе и человеке, что является ее вкладом в решение инновационно-проектных задач. Она способна к этой социально значимой функции только в союзе с другими гуманитарными и социальными науками по той причине, что в теоретической культурологии изначально не заложен алгоритм действия, поскольку она в большей мере ориентирует не на действия и технологии, а на идеальные представления о должном.

Однако онтология культуры только начинает складываться и развиваться в области теории и философии культуры, не говоря уже о деонтологии. В связи с этим до сих пор утверждения, что «адекватное понимание культуры призвано играть весомую роль в осуществлении гуманистических идеалов человечества», остаются на уровне лозунгов. Большинство теоретиков отказываются от построения модели должного состояния культуры, поскольку подразумевается, что проблематика идеального, должного неизбежно влечет за собой возврат к идеологии, связанной с догматизмом и фанатизмом. Попытки предложить модель гуманистической культуры в настоящее время неудовлетворительны, поскольку не носят системного характера, разводят и противопоставляют друг другу культуру и антикультуру, что для большинства культурологов неприемлемо.

Не дает ответа на вопрос о должном состоянии культуры и современная философия культуры, хотя зачастую именно в этом видят ее задачу: «В философии культуры осмысливается сущность ее как “подлинно человеческого” образа жизни людей. Можно сказать, что философия культуры есть критика культуры, критический анализ ее достоинств и недостатков – в сравнении с некоторым высшим, идеальным, целевым ее обликом, отвечающим

представлениям о ее подлинно человеческом содержании. Философия культуры имеет целью понять возможности ее прогрессивного развития и, если такие возможности существуют, наметить условия, перспективы и пути их реализации» [4, с. 60].

Однако сегодня разработка фундаментальных мировоззренческих систем и фундаментальных концепций не современна. Им на смену пришли культурно-интеллектуальные проекты, которые в большей мере отвечают духу культуры технологической, находящейся ныне в авангарде культурной динамики. Основная проблема здесь состоит не в невозможности развития нового рационализма, а в том, что философия не востребована обществом. В нашей стране философию просто не замечают. Продукты философского творчества, не получающие социального признания, не могут иметь и практического значения.

Вопреки этой ситуации исследование культуры становится все более актуальным в силу того, что культурный аспект человеческой деятельности начинает играть значительно большую роль в социальной жизни, чем когда-либо прежде. Действительно, «постановка многих социальных, экономических, политических задач в современном обществе находится в зависимости от культурных установок и требований, а возможности их решения определяются состоянием культуры – и, в первую очередь, достижениями культуры технологической» (Там же, с. 59). Трудно не согласиться с А.С. Карминым и в том, что «происходящие сейчас в культуре процессы в значительной части стимулируются не “естественными” потребностями людей и не “социальным заказом” общества, а субъективными мотивами создателей модных культурных веяний и “бизнесменов от культуры”, искусственно возбуждающими и подогревающими интерес публики к тому, что приносит им прибыль» (Там же).

Тем не менее для того чтобы отличать эти субъективные мотивы от закономерностей, действующих в культуре, необходимо адекватное предмету преподавание культурологии в вузах, дабы каждый образованный человек мог вписать свои смысловые интенции в существующую социокультурную реальность в соответствии с действующими в настоящее время закономерностями и тенденциями ее эволюции. В этом освобождении человека от очарованности рекламой, модой, тотальной карнавализацией жизни также может, на наш взгляд, реализовываться эвристический потенциал культурологии, поскольку

именно она способна раскрыть обучающимся сущность этих явлений.

Культурология, кроме того, может и должна выступать в качестве гуманитарной экспертизы научного знания. Именно в ее семантическом поле определяется содержание такой дисциплины для аспирантов, как история и философия науки. В курсе культурологии обучающиеся впервые получают понятие о том, что такое современная наука и каковы ее принципиальные отличия от науки прошлых веков, о культурных основаниях, на которых строится научная картина мира, исторической смене идеалов и норм научного исследования и, наконец, о нравственном измерении и социальной ответственности науки. Ведь ученый, в том числе аспирант, ведущий научную работу, остается человеком и должен понимать смысловую сопряженность своей деятельности с историческим и культурным контекстом, в котором она ведется. Это соответствует отечественной традиции высшего образования, стремящегося максимально расширять кругозор и развивать интуицию, формировать мировоззрение студента и отвечать на смысловые вопросы.

Здесь встает вопрос о границе между культурологией и философией культуры. Под культурологией мы понимаем междисциплинарное и трансдисциплинарное знание, в котором интеграция результатов и методов различных областей гуманитарного знания осуществляется вокруг актуального проблемного поля. Она подразделяется на теорию культуры, историческую и прикладную культурологию. Культурология изучает человеческий мир во всем богатстве его конкретных проявлений и частных областей. Теория культуры исследует ее существенные характеристики, рассматривая культуру как целое, эксплицирует принципы связности ее элементов, вскрывает закономерности, которые действуют во всей системе культуры. В ее рамках формулируется определение культуры. От того, какого подхода придерживается исследователь, зависят методы работы с конкретным материалом и сам отбор фактов из «океана» культурных явлений. Поскольку культура, общество и личность – «неразрывная триада» (П. Сорокин), то наиболее близкими к теоретической культурологии и способствующими конституированию ее предмета являются антропология как наука об общей человеческой природе и деятельности и «наука об отношениях» – социология.

Однако на вопрос о принципах связности всех составных частей культуры культурология не может ответить без философии куль-

туры, которая стремится постичь идею культуры, ее возможное состояние или идеальный образ, ее внутреннюю форму движения. Нам близка точка зрения, много лет отстаиваемая В.М. Межуевым, согласно которой культурология познает мир таким, каким он существует независимо от познающего субъекта, а философия – в прямой связи с человеческой субъективностью. Ведь только философия постигает предельные измерения человеческого бытия, вскрывает исходные ценности, рассматривает любой предмет «в аспекте идеала». В.М. Межуев как-то назвал философа специалистом по самому себе. Это очень точно указывает на значимость философии для личности. Ибо она помогает обнаружить единство в бесконечном разнообразии внутреннего и внешнего мира посредством, говоря словами И. Канта, «вяжущей силы самопознания». Нам представляется, что культурология включает философию культуры, хотя эмпирически она изучает множественное (т. е. фактическое многообразие культуры, ее исторически переходящие формы и конкретные формы бытования), а не единое, и использует для этого самые разнообразные методы.

Необходимо отметить также, что культурология – наука очень молодая, поэтому постоянно ведутся академические споры о ее границах и методологических основах, что объясняется тем, что культурология объективно находится на допарадигмальном уровне. «Как “нормальная наука”, развивающаяся в рамках одной парадигмы, она еще не сложилась. И здесь нет никакой вины ныне работающих культурологов. Просто предмет их изучения настолько сложен, что сама наука о культуре как целостном феномене возникает значительно позже других социальных и гуманитарных наук, и именно по этой причине должно пройти значительное время для осмысления и концептуализации разных взаимосвязанных граней культуры в рамках единой парадигмы» [7, с. 128].

Вообще на процесс складывания научной парадигмы оказывает весьма значительное влияние культурный контекст, в границах которого и происходит ее формирование. Слово «контекст» здесь недостаточно точно отражает ситуацию. Скорее, речь идет о культурной парадигме как реально существующем феномене детерминирующей и коррелирующей взаимосвязанности культурных явлений, скрытом факторе их смысловой синхронности, обеспечивающем единство культуры на каждом историческом этапе. В исследовании, проведенном на кафедре теории и истории

культуры Волгоградского государственного социально-педагогического университета Н.Б. Шипулиной (Бакач), отмечалось, что «в основе культурной парадигмы лежат способы объективации смыслов, определяющих бытие людей в социокультурной действительности, которые находят выражение в конкретных словах, идеях, вещах, способах решения жизненных задач, в поступках» [1, с. 10]. Именно способы целеполагания и жизненные задачи рассматриваются исследователем «в качестве базисного элемента, формирующего смысловые сферы людей в конкретное культурное время» (Там же, с. 11), который выступает системообразующим фактором жизни этих людей. Эвристически ценным в данной работе является рассмотрение поколения как субъекта культуры, носителя культурной парадигмы и единицы социокультурного времени.

В том же направлении социальной культурологии выполнено исследование Е.А. Клеминой, предметом которого стал «социальный модус смерти, включающий различные способы отношения к смерти и процессу умирания на индивидуальном и социальном уровнях, закрепленные в системе социокультурных объективаций (событие, ритуал, сообщение)» [6, с. 6]. В работе аргументировалось то, что отношение к смерти в современном российском обществе «характеризуется забвением ряда способов гуманизации события смерти и доминирование деструктивного способа отношения к смерти и процессу умирания: эти события не воспринимаются как естественные стадии жизненного цикла» (Там же, с. 9). Это ведет к постепенной девальвации жизненно важных духовных ценностей человека и общества, таких как уважение к личности и гуманизация общественных отношений. Здесь выдвигается гипотеза о том, что конструктивное отношение к смерти может создать условия для социального проектирования и способствовать движению к обществу с меньшей степенью отчуждения.

Антропологическое направление в культурологии, в отличие от вышепредставленного социологического, включает в себя проблему качеств и состояний человека. Так, выполненная на кафедре теории и истории культуры ВГСПУ работа Н.А. Калюжной посвящалась роли веры в становлении индивидуального духа. «В текучести и размытости социокультурной жизни, – утверждалось в ней, – проявляется кризис веры: люди перестали верить в будущее, верить в самих себя, в то, что они способны стать лучше и создать лучшее бытие вокруг себя. Повсюду констатирует-

ся утрата духовного постоянства, являющегося основой верности Отечеству, природе, людям. Это ставит перед современной культурой важнейшую проблему восстановления веры как сущностной основы человеческого бытия, призванной помочь человеку обрести место в мире, примирить с самим собой и стать условием его духовной самодостаточности. Важнейшее значение проблемы веры заключается в ее предельно напряженном аксиологическом характере, когда человек выбирает, каким ему быть и что отстаивать, утверждая значимость ценностей не только для себя, но и для других людей» [3, с. 2].

Исследование показывает, что «роль веры в становлении компонентов индивидуальной духовности состоит в следующем: вера открывает человеку его всеобщую сущность как основу морали; вера реализует творческий потенциал человека, способствует духовному постоянству в любви и творчестве; направляет человека на обретение устойчивости в мире как целом» (Там же, с. 10.).

В том же ключе выполнено исследование А.Ю. Клейтман, посвященное проблематике забвения как феномена культуры, неразрывно связанного со свободой и субъективностью личности. Этот многоаспектный феномен является одновременно «и свойством индивидуального человеческого сознания, и одним из важнейших условий воспроизводства и трансляции культуры. В рамках культурного целого забвение как форма инобытия памяти выступает в качестве особого рода “машины всеобщности”, способствуя формированию общего социокультурного пространства – времени и поддержанию коллективной идентичности. В этическом контексте забвение неотделимо от проблематики прощения и покаяния. В процессе развития культуры (как на макроуровне, так и на уровне межсубъектных взаимоотношений) забвение выступает в роли фактора, способствующего снятию травмирующих противоречий, залечиванию ран, оставленных прошлыми конфликтами» [5, с. 6–7].

Дело в том, что эвристические возможности культурологии очень слабо используются в разрешении различного рода конфликтов, а между тем в этой области имеются серьезные научные разработки. В их числе и работа аспиранта кафедры теории и истории культуры ВГСПУ С.А. Нечаевой «Роль культурных стереотипов в ситуации межличностного конфликта». Культурный стереотип понимается в ней в широком смысле как часть мировоззрения и рассматривается как носитель коллективных представлений, отпеча-

ток властных отношений, проявление имплицитных знаний, как составляющая мотивации к социальной практике. В прагматическом отношении данное исследование было нацелено на обеспечение субъекта культурной деятельности адаптационно-целесообразными знаниями. Ни одна межкультурная коммуникация не обходится без противоречия в целях, идеалах и ценностях. Устойчивая коммуникация стремится к их позитивному разрешению, поэтому эвристически ценным является изучение «идеальной» стороны конфликтной ситуации (когнитивной, эмоциональной, мифологической и т.д.), что возможно интегративно сделать только в русле культурологии. В работе утверждается, что «межличностный конфликт – не элементарная форма конфликта, а, наоборот, самая сложная. Все другие типы конфликта фокусируются в ней, и она может служить (а зачастую имплицитно служит) моделью для их изучения» [8, с. 13]. Это позволяет сделать вывод о том, что «наступило время изучения межличностного конфликта как конфликта культур, в котором каждая из сторон рассматривается оппонентом как продукт определенной гендерной, этнической, субкультурной, профессиональной, конфессиональной, политической и всякой иной идентификации» (Там же). Принципиальным параметром, задающим варианты развития конфликта, является тип взаимодействия, избираемый участниками конфликта. Решающую роль при этом играют предыдущий опыт их отношений, а также культурные традиции, исторические прецеденты и т.д. В исследовании показывается, что «в конфликте значительно большую роль играют стереотипы поведения как сформированные всем предыдущим культурным опытом модели действия, нежели стереотипы восприятия, готовые примеры для объяснений. Следовательно, предупреждение конфликтов лежит не столько в признании инаковости за другим человеком, сколько в развитии авторефлексии каждого из субъектов» (Там же, с. 18).

Результаты подобных исследований используются в практике преподавания, поскольку как учебная дисциплина культурология призвана участвовать в формировании как способности к межкультурному общению как компетенции, состоящей из знания о наличии в обществе различных этнических групп, способности работать в полиэтнической среде, принимать ситуацию мультикультурности и стремления понимать культуру и обычаи иных народов. Таким образом, культурология направлена на формирование мировоззренче-

ских ориентиров для эффективного межкультурного взаимодействия.

Проблема межличностного и межкультурного понимания может быть исследована и в сфере философии культуры, особенно для уяснения в области морфологии культуры границ и возможностей морали, религии, искусства, эзотерики и науки. Например, «взаимодействие посредством искусства позволяет прояснить частные различия и общее бытийное основание человеческого существования, а также постоянно удерживать открытыми для осмысления неочевидные феномены бытия» [9, с. 1]. Посвятив свою работу вопросу об истинности поэтического познания мира, И.В. Пермяков связал ее с общекультурными проблемами дегуманизации искусства и размытости критериев для суждения вкуса. Выделив как наиболее актуальные проблему разграничения фиктивного и реального, а также тему авторства и анонимности творчества, исследователь показал, что «в эпоху визуализации существования, переизбытка информации и манипулирования сознанием, наряду с философией, поэзия является одной из истинных альтернатив тотальной кажимости», а «экспликация онтологического фундамента поэзии ясно указывает на то, что литературное осмысление действительности осуществляется человеком, нередуцируемым к исчисляемым механизмам функционирования языка, текста или психики» (Там же).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что исследования, проводимые на кафедре теории и истории культуры в течение ряда лет, отвечают заявленному выше перечню вопросов, наиболее актуальных для общественного самосознания. Изучая общее поле коммуникаций, культурология пытается создать язык универсального описания разного рода явлений. Например, объяснить, почему импрессионизм в искусстве, теория поля в физике, учение о социальной массе в социологии появляются одновременно и как они коррелируют друг с другом. Пытаясь воссоединить разрозненные фрагменты, культурология выходит на поиск конечных причин. К результатам подобных исследований обращаются специалисты в области искусствознания, языкознания, науковедения и других как гуманитарных, так и естественных наук. Это подтверждает наличие креативного эпистемического потенциала (не только эвристического, но и концептуального, и методологического) у современного культурологического знания.

Литература

1. Бакач (Шипулина) Н.Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 1998.
2. Брандт Г.А. Культурология как общеобразовательная дисциплина в современном вузе: к вопросу о целях // Второй Российский культурологический конгресс с междунар. участием «Культурное многообразие: от прошлого к будущему»: тез. докл. и сообщений. СПб.: Эйдос, Астреион, 2008.
3. Калюжная Н.А. Вера в становлении индивидуального духа: философско-антропологический подход: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2004.
4. Кармин А.С. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вестн. Рос. филос. о-ва. 2005. № 2. С. 49–62.
5. Клейтман А.Ю. Феномен забвения в развитии культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2009.
6. Кленина Е.А. Отношение к смерти в системе социальных взаимодействий: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2001.
7. Лукьянов В.Г. Культурология как междисциплинарная загадка: материалы круглого стола // Вопр. культурологии. 2011. № 1. С. 128–129.
8. Нечаева С.А. Роль культурных стереотипов в ситуации межличностного конфликта: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2004.
9. Пермяков И.В. Истина бытия в поэтическом взаимодействии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2002.
10. Шор Ю.М. Культурология как дисциплинарная загадка: материалы круглого стола // Вопр. культурологии. 2011. № 3. С. 110–114.
11. Щеглова Л.В. Ценности и цели в преподавании культурологии // Второй Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное многообразие: от прошлого к будущему»: тез. докл. СПб.: Эйдос, Астреион, 2008.

Heuristic potential of culturology and philosophy of culture

There is revealed the universality of culturology subject, its versatility, ability to show different sides. There is explicated the connection of culturology and other disciplines in the process of education, as well as its practical meaning for different sides of social life.

Key words: *culturology, philosophy of culture, education, heuristic potential, humanistic ideals, culture paradigm.*

Г.И. СИДУНОВА
(Волгоград)

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В РУКАХ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Анализируется проблематика развития университетских научных школ, в частности научной школы экономики, функционирующей на факультете экономики и управления Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Обозначены основные направления работы научной школы, ее достижения и перспективы развития.

Ключевые слова: *научная школа, научное сообщество, экономика, научное исследование, развитие, научно-исследовательская работа.*

Университетское сообщество сильно своими научными школами. Значимость науки зависит от научного потенциала исследовательской работы, уровня квалификации ее представителей. Современная научная экономическая школа Волгоградского государственного социально-педагогического университета основана в 2007 г. деканом факультета экономики и управления, доктором экономических наук, профессором Галиной Ивановной Сидуновой. Основным направлением и концептуальной задачей работы школы является поиск вариантов решения наиболее актуальных проблем российской экономической науки и практики, к которым можно отнести повышение качества управления социально-экономическими системами, эффективность инвестиций в развитие человеческого капитала, совершенствование механизмов антикризисного управления на макро- и микроуровнях, решение проблем маркетинговой деятельности предприятий и организаций, в частности высших учебных заведений и др.

Научная школа по экономике в ВГСПУ брала свое начало с исследования процессов формирования кадровой политики в регионе; системы управления персоналом на российских предприятиях, вопросов критериального анализа кадровой политики предприятия; особенностей кадровой политики на различных стадиях цикла развития региона и предприятия; системы прогнозирования кадрового потенциала региона в отраслевом разрезе на среднесрочный и долгосрочный период; создания информационного поля, объединяюще-